

Взятка и уподобляемые взятке преступления в традиционном китайском праве

Взятка как таковая

Коррупция является бичом всякой развитой бюрократии. Ко времени составления уголовного Кодекса династии Тан (618–907 гг.) «Тан люй шу и», или «Танских уголовных установлений с разъяснениями» (653 г.) Китай накопил громадный, бесценный для мировой культурной копилки опыт как страданий от этого зла, так и борьбы с ним. Ценность такого опыта лишь увеличивается, если учесть, что уголовные законы в ту пору составлялись в полном и простодушном соответствии с представлениями культуры о природе этого зла и об оптимальных методах противодействия ему, без оглядки на оппозиционные газеты или «Хьюман райтс уотч» и «Эмнести интернешнл». «Святая простота» тогдашних уголовных норм дает возможность постараться увидеть их культурологические и даже психологические основы без искажений.

В танском Китае считалось несомненным, что с дефектами мотиваций, нерадивостью, неумением, недостатком опыта должны справляться конфуцианская идеология, сформировавшая идеальный образ чиновника и смысла его деятельности, а также осуществляемые прямым начальством регулярные организационные и дисциплинарные меры: поощрения, взыскания, ускорение карьерного роста или его приостановка. Коль скоро эти два фактора (идеологический и организационный) сохраняли эффективность, преднамеренные и, тем более, корыстные использования служебного положения в личных целях могли оставаться относительно немногочисленными. Пока такое положение оставалось в целом неизменным, отклонения от него — для которых, собственно, и предназначались уголовные законы, — и впрямь могли быть достаточно успешно парированы правоохранительной активностью.

Чтобы в аппарат не проникли глупые и ленивые, достаточно было отладить систему отбора чиновников. Этому отбору посвящена лишь одна-единственная статья Кодекса — та, в которой назначались наказания за рекомендацию к академическим экзаменам неспособных кандидатов или аттестацию начальниками своих подчиненных не по реальным заслугам. Назначаемые ею наказания были весьма мягки [1, ст. 92. См. тж.: 2, с. 12].

Но истари было усвоено, что наибольшую опасность для аппарата представляют собой не те, кто неловко справляется со своими обязанностями, но те, кто начинает чересчур уж ловко применять их, сменив главный смысловой адресат их применения с государства на самого себя. Именно таким образом в упорядоченную, нормированную деятельность государственных органов вносятся самые заметные и самые вредные искажения, вдобавок еще и дискредитирующие само понятие государства, государственного управления и осуществляемой через это управление всеобъемлющей справедливости. И поэтому именно на пути корыстных личных устремлений, реализуемых с использованием предоставленных чиновнику государством особых возможностей, должны ставиться наиболее мощные уголовно-правовые блоки.

Танское уголовное право выделяло шесть основных типов имущественных преступлений, так называемых «шесть присвоений» (лю *цзан* 六賊). В тексте «Тан люй шу и» содержание термина «присвоение» раскрывается, например, так:

В уголовных установлениях предусматривается только шесть категорий прямых присвоений: грабеж, кража, [взятка, приведшая к] нарушению закона и [взятка, не приведшая к] нарушению закона, получение имущества в сфере полномочий и незаконное присвоение [1, ст. 33. См. тж.: 3, с. 195].

Уже одно то, что из этих шести типов имущественных преступлений четыре (за исключением лишь «общечеловеческих» грабежа и кражи) были связаны с именно чиновничеством, говорит само за себя.

Самым простым и выгодным способом использования служебного положения в личных целях всегда и везде было взяточничество.

Вообще говоря, даже не связанное с попыткой дать взятку обращение к чиновному лицу с просьбой что-то сделать в нарушение правил и в пользу просителя было наказуемо.

Все общественные дела [ведутся] согласно правильным справедливым принципам. Тот, кто самоуправно обратился [к чиновнику] с домогательским прошением (*цинцю* 請求), вождедея искривления закона (цюй фа 曲法), наказывается 50 ударами легкими палками [1, ст. 135. См. тж.: 2, с. 84]¹.

¹ Шкала основных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания легкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжелыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой

В подобной ситуации чиновник мог, во-первых, отказаться выполнить просьбу; во-вторых, согласиться ее выполнить, но ничего не предпринять; в-третьих, дав согласие или, скажем, уклонившись от ясного ответа, начать реально действовать в обход закона.

В первом случае ни тот, кто обратился к чиновнику с просьбой, ни сам чиновник не подлежали ответственности.

Во втором случае как проситель, так и чиновник наказывались 50 ударами легкими палками.

В третьем, то есть если по просьбе уже были предприняты реальные действия, нарушающие те или иные законы или правила — и виновный чиновник, и тот, кто к нему обратился с просьбой, наказывались 100 ударами тяжелыми палками.

Однако даже в третьей ситуации действия чиновника были бескорыстными. Чиновник ничего не получал за свои противоправные деяния; его мотивации могли быть какими угодно, но — не вызывались непосредственной алчностью. Поэтому и наказания предусматривались относительно легкие, не слишком-то обременительные, особенно для чиновников, которые все, с 9-го ранга и выше, от столь легких наказаний, как правило, могли просто откупаться (правда, данные обо всех откупках прикладывались к ежегодным аттестациям каждого государственного служащего и влияли затем как на его жалованье, так и на темп его карьеры).

Совершенно иная картина возникала, когда к мотивации чиновника примешивалась корысть.

Всякий полномочный или заведующий чиновник (*цзяньлинь чжусы* 監臨主司), получивший взятку и нарушивший закон (*шоуцай ванфа* 受財枉法), за 1 *чи* наказывается 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *ли* наказание увеличивается на

(1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. полукилометра); две разновидности наказания смертью (удавление и обезглавливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые отчасти повторяли разбивку по разновидностям. Для чиновников предусматривались также специфические должностные наказания: разжалование (*чумин* 除明), заключающееся в низведении на 6 лет к тому статусу, который преступник имел до начала карьеры, с последующим восстановлением в значительно пониженном ранге, а также лишение должностей (*мньгуань* 免官) и лишение занимаемой должности (*мянь соцзюй гуань* 免所居官); в первом из этих двух случаев чиновник терял все должности и восстанавливался на службе через 3 года с понижением в ранге на 2 разряда; во втором — только одну должность, как правило, последнюю реально исполнявшуюся, а восстановление на службе происходило через 1 год с понижением на 1 разряд.

1 степень. За 15 *чи* — удавление [1, ст. 138. См. тж.: 2, с. 89]².

Понятие *цзяньлинь чжусы* — одно из краеугольных понятий танского права в тех его аспектах, что касаются чиновничества. Чиновник в сфере своих административных полномочий и чиновник вне ее — это были, в сущности, совершенные разные субъекты права.

Во-первых, согласно самым общим культурным представлениям традиционного Китая именно своим подведомственным полномочный чиновник должен был служить моральным примером, гарантом справедливости в данном сегменте социального пространства. Во-вторых, зависимость подведомственного лица от своего начальника была не в пример выше, чем зависимость обычного человека от какого-то чужого чиновника. Чтобы преступление было отнесено к взятке, оно должно было быть совершено именно в отношении зависимого, более или менее беспомощного по отношению именно к данному властному лицу человека. Зависимость могла быть самого разного толка. Начальники учреждений были полномочными относительно своих подчиненных и их семей. Начальники местных административных единиц — округов, уездов и пр. — относительно всего подведомственного населения. Ведущий следствие или разбирающий тяжбу чиновник, пусть и невысокого ранга — относительно тех, кто проходил по данному уголовному делу или данной тяжбе. Мелкие начальники отдельных объектов — хранилищ, амбаров, складов — относительно вверенного им имущества и своих непосредственных подчиненных.

Понятно, что именно от тех, чью судьбу были вправе по службе решать чиновники, исходили и основной коррупционный соблазн, и основная коррупционная угроза. Природа связи между взяткодателем и взяткополучателем была тут наиболее существенным фактором.

Так подразделялись согласно своим функциям чиновники.

Но подразделялись и их действия. Чиновник мог взять взятку, но затем либо предпринять некие реальные действия в обход закона и в пользу взяткодателя, либо не предпринять.

Кодекс гласит:

² Мерилом стоимости в танском Кодексе был избран шелк определенного сорта, который измерялся либо в штуках (*чи* 疋), либо, если присвоение было небольшим, в *чи* 尺. Одна штука определяется в Кодексе как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней* [1, ст. 418. См. тж.: 4, с. 60]. Один *чи* представлял собой отрез этой ткани длиной в 1 *чи*. Что же касается покупательной способности этих денег, то в Кодексе несколько раз упоминается, например, что 1 трудодень отбывающего трудовую повинность или нанятого на работу человека стоил 3 *чи*.

Всякий полномочный или заведующий чиновник, получивший взятку и нарушивший закон, за 1 *чи* наказывался 100 ударами тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *ни* наказание увеличивается на 1 степень. За 15 *ни* — удушение. Не нарушивший закон за 1 *чи* наказывался 90 ударами тяжелыми палками. За [каждые последующие] 2 *ни* наказание увеличивается на 1 степень. За 30 *ни* — ссылка с дополнительными работами [1, ст. 138. См. тж.: 2, с. 89—90]³.

Предписание, точно устанавливавшее соответствие стоимости взятки в 15 *ни* и более смертной казни через удушение, означало, что в интервале от 8 *ни* 1 *чи* до 15 *ни* наказание не увеличивалось, оставаясь равным ссылке на 3000 *ли*.

Во втором же случае стать тяжелее ссылки с дополнительными работами и достигнуть смертной казни наказание не могло, как бы ни был велик размер взятки. Ведь закон взяткополучателем в пользу взяткодателя не был нарушен.

Однако взятка без нарушения закона была отнюдь не столь безобидна, как можно поначалу подумать. Во всяком случае, она выделялась в самостоятельную группу имущественных преступлений, явно отличную от простого получения имущества чиновником в сфере его полномочий, и наказывалась куда суровее него.

Надо полагать, что на самом деле речь тут идет о знакомой нам коллизии выкупа законных прав. Чиновнику совсем не обязательно рисковать, нарушая закон в пользу взяткодателя, чтобы получить от него мзду. Достаточно под любыми предлогами не предпринимать правильных, надлежащих, обусловленных законом и всеми инструкциями действий; тянуть, ссылаясь, скажем, то на проливные дожди, то на некие распоряжения начальства или иные высшие материи, то на интересы неких абстрактных вдов и сирот, пока подданные не стимулируют слугу народа соответствующим подношением. Выкуп у администрации законных прав — одна из наиболее мощных составляющих коррупции.

Наказание взяткодателю радикально отличалось от наказания того, кто просто обратился к чиновнику с домогательским прошением.

³ Ссылка с дополнительными работами — особый вид наказания, назначавшийся за некоторые преступления, которые в первые годы династии Тан наказывались смертной казнью. Это была ссылка на 3000 *ли*, обремененная 3 годами каторжных работ. Она не входила в стандартную шкалу основных наказаний, но располагалась как бы между обычной ссылкой на 3000 *ли* и смертной казнью через удушение.

Всякому, кто ...осуществил домогательство (*син цю* 行求) посредством [дачи] имущества, если он добился нарушения закона (*дэ ван фа* 得枉法), наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан* 坐贓), а если нарушения закона не было (*бу фан фа* 不枉法) — это наказание уменьшается на две степени [1, ст. 137. См. тж.: 2, с. 88].

Незаконное присвоение среди прочих наказывалось наиболее легко: от 20 ударов легкими палками за 1 *чи* до трех лет каторги за 50 *ли* и более. Этот вид имущественных преступлений не является сейчас предметом рассмотрения — поэтому отметим лишь главное.

Во-первых, наказание взяточдателю тоже определялось посредством прогрессивного увеличения в зависимости от стоимости предложенных в качестве взятки ценностей.

Во-вторых, в отличие от ситуации с безвозмездным обращением (когда и чиновник, и проситель могли получать равные наказания — 50 ударов легкими палками, 100 ударов тяжелыми палками), здесь наказание просителю всегда оказывалось легче того, что грозило чиновнику.

В-третьих, несмотря на эту относительную легкость, при существенных размерах предложенной взятки взяточдатель мог получать принципиально более тяжелые наказания, чем если бы обратился с аналогичной просьбой без предложения взятки. Над верхним пределом наказания за безвозмездное обращение, равным 100 ударам тяжелыми палками, возникало сразу несколько более суровых градаций: 1 год, 1,5 года, 2 года, 2,5 года и 3 года каторги.

Взяткоподобные преступления

При взятке сталкивались, с одной стороны, конфуцианский идеал бескорыстного государственного служения и высокой мотивации несения безраздельной личной ответственности за то, что вверено, а с другой — низкая, движущая лишь мелкими людьми алчность. И завершение столкновения оказывалось чудовищным, немислимым с точки зрения морали поступком: извращением государственным человеком государственных же законов ради частной выгоды. Подобная катастрофа была настолько специфичной, что каких-то дальних аналогов ей просто не могло быть.

Понятие взятки было неразрывно связано, во-первых, с чиновниками, имеющими благодаря конкретике своей службы особые даже по сравнению с коллегами возможности, во-вторых, с тем, что чиновник такого рода пошел на использование своих особых возможностей

противозаконным образом всего-то лишь ради корысти, в-третьих, с реальным получением им вследствие своего злоупотребления материальной выгоды, в-четвертых — с тем, что чиновник за деньги оказался проводником воли не императора, не его законов, а частных интересов подведомственного ему человека. Система была трехэлементной: полномочный чиновник, взятокодатель, нарушение чиновником в его пользу закона в обмен на выгоду. Каждый из элементов был очень конкретен. Следовательно, спектр ситуаций, которые можно было бы уподобить взяточничеству, был весьма ограничен.

Текст Кодекса разъясняет:

Когда указывается, что «наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона» (*цзунь ванфа лунь* 准枉法論), ...наказание ограничивается ссылкой на 3000 *ли*... [В таких случаях совершенное преступление] никогда не подпадает под [действие] норм о разжаловании или лишении (*чумянь* 除免) ...и [норм] ссылки с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). ...Когда указывается, что «наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона» (*и ванфа лунь* 以枉法論), ...[преступление] всегда приравнивается к фактическому совершению [упомянутого в указании преступления] [1, ст. 53. См. тж.: 3, с. 275—276].

Другими словами, указание на то, что приговор за данное преступление следует определять «сообразно взятке», означало, что вычислять конкретную меру наказания, соответствующую стоимости полученного чиновником имущества, следовало по шкале, предназначенной для взятки с нарушением закона. Однако если по этой шкале наказание оказывалось строже, нежели ссылка на 3000 *ли*, следовало применить именно ссылку на 3000 *ли*, и не более. Не могли быть применены и дополнительные наказания (разжалование, лишение должностей, лишение занимаемой должности), даже если при фактической взятке данной стоимости их по закону надлежало бы применить (полномочный чиновник подвергался разжалованию уже за взятку в размере в 1 *ли*, хотя по основной шкале наказание за столь мелкую взятку было сравнительно легким — 100 ударов тяжелыми палками).

Только если в статье указывалось, что наказание за преступление следует определять «как за взятку», действовали все нормы закона, предназначенные для получения взятки данной величины, поскольку совершение рассматриваемого преступления во всем приравнивалось к фактическому получению взятки.

Танские законодатели легко смогли сформулировать юридическую гипотезу, согласно которой с домогательским прошением к решающему некое дело чиновнику обратился не сам заинтересованный в определенном его решении человек, но — некто, уже получивший от заинтересованного человека мзду и при том являющийся, как это сформулировано в законе, «полномочным или влиятельным» (*цзянь-линь шияо* 監臨勢要).

В самом Кодексе этот термин определяется так:

Полномочный — имеются в виду чиновники, которые осуществляют общее руководство или ведут разбирательства. Влиятельный — имеются в виду все чиновники, за исключением полномочных. Безразлично, высок или низок ранг, нужно только, чтобы непосредственно ответственное [за данное дело лицо] боялось его и не решалось действовать ему наперекор [1, ст. 135. См. тж.: 2, с. 85—86].

То есть под полномочными в данном случае, вероятно, имеются в виду более или менее непосредственные начальники того служащего, от которого в данный момент зависело решение дела. Под влиятельными же могут иметься в виду и служащие других учреждений, которые каким-то образом могли влиять на положение, карьеру либо, скажем, довольствие непосредственно ответственного чиновника — например, на своевременность выплаты ему жалованья, оформление для него каких-то ему самому нужных документов и пр.

От эталонной взятки с нарушением закона такой расклад отличался лишь одним: финальное, итоговое нарушение, искажающее законный ход дела, не могло быть осуществлено получившим взятку чиновником; он лишь оказывал давление. Но именно это аморальное, неправомерное, недопустимое для честного чиновника давление служило в данной ситуации аналогом нарушения закона, и это давало возможность рассматривать имущество, полученное посредником, именно как взятку с нарушением закона.

Полномочным и влиятельным лицам наказание определяется сообразно [взятке] с нарушением закона (*чжунь ванфа лунь* 準枉法論). ...[Увеличение] наказания ограничивается ссылкой на 3000 *ли* [1, ст. 136. См. тж.: 2, с. 86—87].

Итоговое нарушение закона, выпустившее задуманную взяткодателем неправильность в упорядоченный мир, было совершено не по-

средником, а тем, на кого посредник оказал давление. И это снимало с посредника изрядную часть вины. Наказание ему определялось хоть и по шкале взяток, но с ограничениями, вводимыми формулировкой *чжунь ванфа лунь*.

2

Для страны, все могущество и благосостояние которой зависело от налоговых поступлений, по большей части — натуральных поступлений продукции сельского хозяйства, учет населения и соответствующая ему разверстка налогов имели первостепенное значение. Мониторинг численности населения и состояния семейных хозяйств проводился постоянно. С самого низа, начиная с глав семей, периодически подавались наверх документы, в которых описывалось состояние каждого хозяйства, в первую очередь — количество едоков в семье, количество дворов в подотчетных единицах и пр. С каждым переходом на ступень вверх по административной лестнице эти документы подытоживались, сводились воедино, обобщались — и шли дальше наверх, в следующую по масштабу административную единицу, где происходило то же самое, но уже в иных масштабах.

Всякий ...ответственный чиновник [уезда или округа], произвольно [кого-либо] не внесший, пропустивший, либо завысивший или заниживший [данные] с тем, чтобы вывести [кого-либо] из-под обложения налогами и повинностями или подвести под него, за одного едока наказывается 1 годом каторги. За [каждых последующих] двух едоков наказание увеличивается на одну степень. ...Если благодаря невнесению, пропуску, завышению или занижению взял данный налог ...себе (*жу цзи 入己*), рассчитывается стоимость присвоения, и ...наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь 以枉法論*). Когда по расчету [стоимости] присвоения [наказание] доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю 加役流*) [1, ст. 153. См. тж.: 2, с. 116—117].

Чиновник использовал свои должностные возможности для того, чтобы обмануть государство; из-за его дезинформации праведная государственная система, продолжающая действовать по закону, оказалась на деле орудием нарушения закона. Подтасовав статистику, преступник вынудил закономерно действующий общественный механизм работать для его собственного незаконного личного обогащения. Совершилось нарушение закона, в результате которого произошло полу-

чение имущества нарушителем — параметры взятки с нарушением закона сошлись воедино.

В подобных ситуациях соответствие эталонной взятке было очень велико, и потому такие преступления приравнивались к фактическому совершению взятки с нарушением закона.

Наказание определялось не сообразно взятке, а как за взятку, следовательно, с применением должностных наказаний. Даже если присвоение и было небольшим, виновный чиновник, тем не менее, подлежал разжалованию. Единственным послаблением было запрещение применять смертную казнь, вместо которой надлежало назначать ссылку с дополнительными работами. Ближайший аналог взятки с нарушением закона все же ею не был, и это сказалось на пиковой строгости наказания. Чиновник нарушил закон. Чиновник вследствие этого обогатился. Но не было взяткодателя, который получил бы в результате некие незаконные преференции или преимущества. Не было подчинения того, кто обязан руководить, тому, кто обязан быть руководимым.

3

Сходного характера манипуляции могли быть произведены чиновником и в иных ситуациях.

Известно, сколько напастей подстерегает хлебопашца. Дух конфуцианства настойчиво требовал от правительства человеколюбия и заботы о народе. Вот и в танском Кодексе разъясняется с немалым знанием дела:

Засуха — имеется в виду чрезмерно палящее солнце. Наводнение — имеется в виду затяжной дождь и нескончаемое ненастье. Заморозки — имеется в виду, что [морозы] ударили не вовремя. Град — имеются в виду причинение бедственного ущерба. Насекомые либо саранча — имеются в виду гусеницы-стеблееды, черви, пожирающие корни, черви, пожирающие сердцевину, и [другие] вредители злаков такого рода [1, ст. 169. См. тж.: 2, с. 143].

На случай подобных несчастий законами предусматривались ослабления налогового бремени. Чем тяжелее был ущерб, нанесенный природными аномалиями, тем более значимыми были льготы.

Однако же, как и всякий чреватый ситуационными изменениями в упорядоченном перемещении имущества перерасчет, эта гуманная мера могла, будучи проведенной в жизнь недобросовестными чиновниками, привести не к облегчению положения народа, но лишь к обо-

гащению самих чиновников.

Если полагается [от чего-либо] избавить в соответствии с нанесенным ущербом, непосредственно ответственные лица должны сообщить. ...Если в сообщении наверх ...имелись произвольные завышения или занижения, и [из-за них] дошло до того, что были взыскивания или избавления с нарушением закона — имеется в виду, что полагалось [действовать, как при] ущербе, но взыскали, или не полагалось [действовать, как при] ущербе, но избавили. Подсчитывается то, что с нарушением закона было взыскано или оставлено, и... если [взысканное] пошло в частные [руки] (*жусы* 入私), наказание определяется как за [взятку с] нарушением закона. Когда доходит до смерти, [преступник] наказывается ссылкой с дополнительными работами [1, ст. 169. См. тж.: 2, с. 142—144].

Действительно, вполне можно представить, как в ситуации, когда ущерб от стихийного бедствия не достигал величин, при которых пострадавших земледельцев следовало от взыскания налога избавлять, некий оборотистый и корыстолюбивый начальник мог в своем рапорте зависить степень ущерба так, что по закону пострадавших земледельцев надлежало избавить от взыскания всего налога или какой-то его части. Высшие власти, действуя сообразно полученным сведениям, и впрямь гуманно и закономерно принимали решение не взыскивать весь налог или какую-то его часть. И тогда недобросовестными должностными лицами этот налог мог быть все же взыскан (откуда населению знать о гуманных мероприятиях имперского центра, как не от самих же местных чиновников?) и оставлен себе.

Это была уже чистая корысть, мотивировавшая нарушение закона, которое, в свою очередь, привело к получению преступной наживы. Обман вышестоящих инстанций ради выгоды, и получение выгоды, порожденной обманом вышестоящих инстанций. Поэтому в подобных ситуациях виновные должностные лица подлежали наказанию по шкале взятки с нарушением закона, причем с формулировкой «как за взятку». Единственным послаблением, как и в предыдущем случае, оставалась невозможность применения смертной казни.

4

Понятно, насколько зависит арестант от тюремщика, подследственный — от следователя, подсудимый — от судьи. Эта подвластность куда сильнее, чем простая подчиненность или подведомственность. Возможности для оказания давления тут еще более безогово-

рочны, а следовательно — и соблазны более беззастенчивы.

...Имеются в виду ...должностные лица тюрем. ...Если ...получив от арестанта [какое-либо] имущество, наставил его, как переиначить или исказить письменные разъяснения ...и в [в переиначивании] содержалось нечто, [способное привести] к завышению или занижению [наказания арестанта], наказание [такому чиновнику] определяется как за [взятку с] нарушением закона (*и ванфа лунь 以枉法論*) по нормам о не получающих жалованья: за получение имущества стоимостью в 1 *чи* — 90 ударов тяжелыми палками, за [каждую последующую] 1 *ни* наказание увеличивается на одну степень. За 15 *ни* — ссылка с дополнительными работами. За 30 *ни* — удушение [1, ст. 472. См. тж.: 4, с. 170]⁴.

Пожалуй, это единственный случай, когда определяемое с применением шкалы взяток наказание за преступление, сходное со взяткой, но все же фактической взяткой не являющееся, было доведено до смертной казни. Зависимость заключенного от тюремного начальства считалась, очевидно, столь полной, беспомощность подследственного считалась (и не без оснований) столь глубокой, что получение государственным служащим мзды от целиком зависимого от него человека в обмен на помощь этому человеку закон полагал особенно нетерпимым. К тому же в этой ситуации налицо была третья составляющая: человек, получивший свою выгоду от того, что чиновник обогатился, нарушив закон. В сущности, тут возникало сразу два социально опасных явления: коррупционное разложение государственных служащих и снижение эффективности государственной судебной системы. Реальный преступник избегал наказания, а казенный человек становился преступником. Тут нужна была очень сильная остратка.

Правда, нормы взятки с нарушением закона были здесь все же несколько смягчены — во-первых, посредством применения шкалы, предназначенной для чиновников, не получающих жалованья, и, во-вторых, прямым назначением наказания каторгой с дополнительными работами тому, кто присвоил имущество в 15 *ни*, и наказания удуше-

⁴ Для служащих, не получающих от государства регулярного жалованья, наказания за взятку смягчались. Тех из них, кто взял взятку и затем нарушил закон, надлежало наказывать удушением при стоимости взятки в 20 *ни* и более, а если закон, несмотря на получение взятки, не был нарушен — ссылкой с дополнительными работами при стоимости взятки в 40 *ни*. За исключением этих экстремумов, послабление состояло в том, что все полагавшиеся по основному правилу наказания просто уменьшались на 1 степень: вместо 100 ударов тяжелыми палками — 90 ударов, вместо 1 года каторги — 100 ударов тяжелыми палками, и т. д.

нием тому, кто присвоил 30 *ли*⁵. Возможно, потому, что виновный чиновник сам не принимал прямо незаконных решений в пользу взяточдателя; он лишь учил его подтасовывать факты так, чтобы итоговое решение оказалось искаженным.

Заключение

Для многих чиновников мир делился на две неравные части. В одной чиновник в силу исполнения служебных обязанностей отвечал за общую мораль, справедливость, упорядоченность и законность, а потому имел повышенные полномочия. В другой он ни за что не отвечал и поэтому таких полномочий не имел. Наделение полномочиями было неизбежным следствием того, что чиновнику вверялась некая область, которой он должен был управлять, проводя в жизнь законы и решения вышестоящих инстанций.

Но именно в ней, в этой области, где он должен был быть лучше и справедливее всех, государственный человек оказывался могущественнее всех. Вне сферы своих полномочий, в большом чужом мире он был немногим более властен, чем любой простолудин. Да, его личная правозащита могла быть несколько более интенсивной в силу его ранга, но законной властью распоряжаться людьми и имуществом он не обладал. Внутри же сферы своих полномочий он был олицетворением высших сил. И потому к его собственному поведению государством предъявлялись повышенные требования.

Главным врагом праведной и добросовестной чиновничьей службы была корысть. А самым страшным из имущественных преступлений, какие мог совершить полномочный чиновник, была взятка с нарушением закона. Любое деяние полномочного чиновника, связанное, во-первых, с нарушением подвластного ему законного хода дел и, во-вторых, с произошедшим из-за этого нарушения корыстным перераспределением имущества в пользу такого чиновника в принципе возводилось танским правом к понятию взятки с нарушением закона. В ней сходилась сразу несколько ужасающих факторов.

Чиновник, словно в жизни не зубрил Конфуция, пренебрегал долгом и, точно мелкий человек, начинал действовать ради выгоды.

Чиновник использовал зависимое, порой — практически беспомощное положение человека, находящегося в его воле. Власть, данная

⁵ По шкале взяток с нарушением закона для не получающих жалованья при стоимости уже в 9 *ли* полагалась ссылка на 3000 *ли*, а ссылка с дополнительными работами вообще не назначалась; когда стоимость присвоения достигала 20 *ли*, полагалась смертная казнь через удушение.

ему государством ради блага управляемых, превращалась в орудие насилия. Вместо того, чтобы употреблять вверенные ему страной полномочия для воспитания народа, увеличения его благосостояния, повышения его моральных качеств нерадивый слуга императора унижал, играл на низменных инстинктах и демонстрировал несправедливость власти.

Чиновник, словно главный тут не он, а сующий ему взятку преступный подданный, отдавал мелкому человеку вверенный ему правительством контроль за событиями. Чиновник уклонялся от обеспечения закономерного хода дел (для чего он, чиновник, собственно, и существовал), а шел на поводу у первого встречного, который позвонил над его ухом связкой монет.

Чиновник присваивал в свою пользу постоянно работавшие механизмы государства, призванные обеспечивать бесперебойное снабжение страны справедливостью. Совершенное ради получения взятки нарушение закона зачастую приводило к тому, что государство как бы слепло, как бы пьянело, теряя ориентацию в пространстве Добра и Зла, и начинало, точно слон в посудной лавке, крушить то, ради чего существует, карать и миловать не тех, кого надо. Вместо того, чтобы распространять счастье и изливать благодать, та или иная государственная шестерня, продолжая вращаться словно бы ни в чем не бывало, начинала всего лишь обогащать корыстолюбивого начальника. Не чиновник становился орудием благоносного государства, но государство — орудием преступного чиновника.

Конечно, все это было совершенно нестерпимо и угрожало самим основам упорядоченного и осмысленного социального существования — а следовательно, заслуживало самых суровых кар. Уж во всяком случае — снятия преступника с должностей и отбрасывания в исходный статус, в тот, что он имел до начала карьеры. А зачастую — и смертной казни.

Список библиографических ссылок

1. 唐律疏議 T'ang lü shu yi = Уголовные установления Тан с разъяснениями // Songshu jicheng = Библиотека-серия. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 9-16. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 299 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 376 с.
4. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. Цзюани 25-30. СПб.: Петербург-

ское востоковедение, 2008. 408 с.